

ОБРАЩЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ К МОТИВАМ «ВИШНЕВОГО САДА»

К. Д. Гордович

Современные писатели достаточно часто обращаются к мотивам и образам Чехова. Творческие задачи при этом решаются самые разные: изображение жизни сквозь призму наивного детского сознания; изображение обитателей «сумасшедшего дома», их восприятие окружающего мира как путь обнаружения не просто противоречий жизни, но абсурда и алогизма в ней и др.

В начале 2000-х годов вызвала споры в критике пьеса Б. Акунина «Чайка», автор которой, сохранив имена и некоторые особенности действующих лиц, поместил их в рамки сюжета, типичного для массовой литературы.

Сегодня обращение к Чехову подтверждает не только актуальность мотивов и образов писателя-классика, но дает дополнительные возможности при высвечивании современных проблем и конфликтов. Различные аспекты подобной задачи решались в исследовании Э. Полоцкой «Вишневый сад». Жизнь во времени» (2003). Из пьес современных драматургов

Гордович Кира Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор кафедры книгоиздания и книжной торговли Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна г. Санкт-Петербург

Полоцкая рассматривает комедии Л. Петрушевской, Л. Зорина и Н. Коляды.

В 2015 году выпущена коллективная монография «Последняя пьеса Чехова в искусстве XX–XXI веков». В работах Н. Семеновй, А. Лексиной, Л. Тютеловой, А. Ярко и других исследователей анализируются особенности звучания мотивов «Вишневого сада» в драматургии, прозе и даже поэзии XX — начала XXI вв. Среди этих мотивов и символ вишневого сада, и смысл его продажи, и особенности поведения персонажей.

Любопытны постановка вопроса о теме корней и рефлексии о прошлом в пьесе А. Афиногенова «Ложь», мысль о сосуществовании конкретного сада и сада-символа в «Половчанских садах» Л. Леонова. Вызывает сомнение слишком прямолинейное утверждение по поводу «продажи Родины» как центральной идеи: «... ведущий мотив продажи Родины, как и у Чехова, остается неизменным. И в сочетании с абсурдистской символикой данный мотив подводит читателя к мысли, что такую страну и не стоит жалеть, поскольку ее жители полностью деградировали» [1]. При выяснении перекличек между «Вишневый садом» и «Садом» В. Арро итоговые утверждения звучат слишком обобщенно: «Сад Арро перестает быть образом интегрирующим, как это было у Чехова ... История чеховского сада помогла им расставить акценты в своем настоящем, обозначить его болевые точки и указать на необходимость решения современных проблем» [2].

Вызывает возражения и подход к анализу «Русского варенья» Л. Улицкой [3]. Сначала рассматривается вопрос о прямых перекличках с чеховскими образами и сознательном нарушении

нии точности в «информации» о предках, садах, имении Лепехиных-Лопахиных. Не представляется правомерным выдвигание в центр внимания Ростислава (Ростика) и его проекта о Диснейленде как варианте решения вопроса о будущем

В данной работе попытаемся показать характер звучания чеховских образов и мотивов в современных вариантах «Вишневого сада»: пьесе А. Слаповского «Мой вишневый садик» (1994) и Л. Улицкой «Русское варенье» (2003).

Несколько усложним задачу: кроме того, что подтвердим перекличку мотивов и образов, подчеркивающих непреходящую значимость семейных связей, связь настоящего и прошлого, обратим внимание на характер изменений этих мотивов, попытаемся выявить смысл введения пародийного начала.

Рассмотрим подробнее несколько ключевых чеховских образов в контексте современных пьес. Прежде всего, конечно, образ вишневого сада. В пьесе Чехова он воспринимался не просто символом прошлой устойчивой жизни, но олицетворением красоты, того прекрасного, что живет в душе безотносительно к бытовым неурядицам, как память, как образ родины. Потому так болезненно воспринимается в конце звук топора (начало реализации проекта Лопахина), что в этом видится посягательство не на конкретные деревья, но на символ родного, дорогого.

В пьесе Слаповского нет никакого сада. Действие происходит на чердаке расселенного дома, который вот-вот сломают, чтобы возвести на этом месте отель. Однако в качестве

«прозрачной» подмены существует вишневый куст, непонятно как выросший прямо из стены под чердачным окном, видимо на остатках старого балкона. Про этот куст говорят, едят вызревшие на нем вишни, в конце его остатки ищут, чтобы пересадить. Именно он предотвратил самоубийство одного из молодых людей, превратив жест отчаяния в пародию.

Изменились не масштабы, а содержание образа. То, что символизировало Россию, родину, стало почти индивидуальной принадлежностью, вещью. Не зря и название пьесы «Мой вишневый садик». Вроде как из мира природы этот куст, но к подлинной природе имеющий очень косвенное отношение. Почти карикатура. Не зря же озвучивается один из вариантов строительства на месте старого дома: «Отреставрирую дом и вселю жильцов обратно. Разукрашу его декоративными трещинами — и из каждой трещины будет торчать вишневый кустик!» [4]. Внутреннее, глубоко содержательное переводится во внешнее, становится лишь декорацией.

В пьесе Улицкой уже в названии произведена замена сада на варенье. С одной стороны, в этой пьесе изображается вполне традиционная семья, сложные отношения из-за разных характеров взрослых детей и материальных причин, привычные претензии старших к младшим.

О вишневых садах вспоминается: «Какие сады были! Когда прадед купил здешнюю усадьбу, здесь были сады, известные по всей России» — в реплике Варвары чувствуется почти цитата из школьных уроков по Чехову. Любопытно, что поправка Андрея Ивановича звучит со ссылкой на Чехова: «Варя, ты бы Чехова почитала. Антон Павлович, конечно, многое насочинял... но уж

что касается садов ... Когда Лепехин здешние земли покупал, сады уж окончательно выродились» [5]. Вспоминают нынешние обитатели усадьбы и опыт деда, который пытался вывести новый сорт вишни, но заменил его крыжовником под названием «заря коммунизма». Очевидно, что и прадед и дед были из числа Лопахиных, да и фамилии перекликаются — Лепехины.

Эти изменения стержневого образа важны для смены тональности, переключения читательского восприятия из психологического в другой регистр. Не сад, но память о предках, их усадьбе объединяет очень разных людей. Однако постоянно включается мотив разрушения. Почти символический смысл несут периодически гаснущий свет и многократно ломающийся туалет.

Объединяющим образом-символом становится вишневое варенье на продажу из покупной вишни — тот практический «выход» из бедственного положения семьи, который нашли сами обитатели разрушающегося имения. В эпизод реализации идеи автор вводит пародийную ситуацию — в варенье попала мышь. Реакция участников действия разная — у кого-то просто брезгливость, у кого-то беспринципность (не для себя же), у кого-то показная религиозность (освятить, и тогда все ничего). Как и в пьесе Слаповского, обнаруживается главенство внешнего, формального.

Посмотрим, как реализуется в современных пьесах чеховский мотив связи с прошлым. У Чехова это, прежде всего, воспоминания о детстве хозяйки имения. Однако в прошлом было не только светлое, но и трагическое — здесь в имении утонул маленький сын Раневской. Всем обитателям есть что

вспомнить о прошлом, но важна не конкретизация, а заданная тональность — на данный момент эти разные люди, почти не связанные душевными, духовными нитями, объединены ожиданием того, как решится судьба имения.

В пьесе Слаповского именно память о прошлом делает местом действия — задуманной свадьбы — чердак старого дома. Бывшим друзьям есть что вспомнить (их уникальный импровизационный театр). Девушка Маша тоже вспоминает свои театральные увлечения, когда в ее школьном театральном кружке режиссером оказался нынешний «жених». И ставили они «Вишневый сад». Сам «жених» вспоминает и свое несостоявшееся самоубийство, и повесившегося на этом чердаке отца, и свои любовные похождения.

Однако память о прошлом, призванная объединить в настоящем столь разных людей, на самом деле приводит к окончательной разобщенности. Слова о любви остаются словами. Вызывает раздражение слишком примитивное «завоевание» матерью невесты мнимого американца. Но ее действия ничем не отличаются по сути от поступков остальных персонажей. Любитель цветов дядя Ваня отравляет собак. Маша познакомилась с Сашей «для изучения характера», а не потому, что он ей симпатичен. Друг Женя то объясняется в любви его бывшей жене, то с готовностью заменяет «жениха» с новой невестой.

У Чехова прошлое осталось в памяти как красивое. У Слаповского акцент сделан на ветхости, пыли.

В пьесе Улицкой память о прошлом на самом деле никого не объединяет. Разговор о предках, о родовом имени чисто

формальный. Никаких родственных отношений по существу нет. Обитателям разрушающегося имения просто некуда деться. Когда в финале происходит их переезд, они не очень-то сопротивляются.

В обеих пьесах развивается и чеховский мотив прихода новых хозяев. В «Вишневом саде» Лопухин, до того как стал хозяином имения, искренне предлагал помощь, сохранил добрые чувства к Раневской. Другое дело, что у него совсем другое отношение и к вишневому саду, и к жизни в целом.

В пьесе Слаповского читателям-зрителям демонстрируются возможности новых хозяев и их уровень. Васенька («будущий хозяин всего») за десять минут преобразует пыльный чердак в роскошное место для торжества с люстрой и яствами — одно из доказательств возможностей «жениха». Однако совсем скоро выяснится, что ничего Азалканов («герой не нашего времени») на самом деле не достиг, ничем уже не владеет и никакие дружеские связи не имеют цены. Автор обнажает разброд и неустойчивость, связь чиновников и бандитов, беспринципность тех, у кого временно появились средства.

Подкреплением словесной перепалки становится сцена условного разрушения места действия, завершающаяся поисками остатков не дома, но вишневого куста.

В пьесе Улицкой находим два варианта новых хозяев. С одной стороны, именно в такой роли воспринимается невестка Натальи Ивановны и ее работодательница Евдокия Кулагина — современная писательница, автор бесконечных романов, поставщик массовой литературы. Ее муж — старший сын хозяйки имения, организующий ускоренный переезд семьи,

лишь выглядит хозяином положения, поскольку деньги делает не он, а его супруга.

Другой вариант хозяина, вполне типичный для времени, — простой человек Семен золотые руки. Именно он неоднократно чинил туалет, а в итоге успел совершить сделку с покупкой всей усадьбы. Разные по культурному и социальному уровню, новые «хозяева» по человеческим параметрам в одной цене. И воспринимать их можно как хозяев определенного имущества, хозяев положения в данный момент, но не хозяев жизни.

Важным при сопоставлении пьесы Чехова с современными произведениями является и вопрос о жанре. Чехов настаивал на том, что «Вишневый сад» — комедия. Комедия — не обязательно веселое произведение. Главное — в нем соединяются самые разные стороны жизни — смешное и трагическое, высокое и низкое.

Современные авторы создали тоже комедии, тоже не очень-то веселые, больше того, и Слаповский, и Улицкая, один больше, другая меньше, включили элементы пародии и фарса.

Никакой интриги, собственно, в современных пьесах нет, нет даже видимости трагичности ситуации — произойдет ли и чья свадьба на чердаке, что будет вместо старого дома — так ли уж это важно? Нет остроты ситуации и в «Русском варенье». Ясно, что Ростик со своей супругой организуют худо-бедно жилье для родственников, откупятся от Семена и все утрясется. Если забытый в финале «Вишневого сада» Фирс вносил новый оттенок в суждения о бывших хозяевах, то забытая кошка в «Русском варенье» лишь еще одна открытая отсылка к классику.

Включение фарсовых элементов помогает автору обнажить чисто внешний характер привязанности к прошлому, выявить опасность активизации тех, кто готов предъявить свои права на то, чтобы стать хозяевами страны, а не только отдельных домов и усадеб.

Современные авторы выводят на сцену многочисленные варианты «героев времени». Среди них нет ни одного крупного, который сосредоточил бы в себе пороки и болезни общества. Соединение разных персонажей позволяет создать коллективный портрет, в котором сочетаются многие качества: беспринципность и неуверенность в себе (даже в случаях показного бахвальства успехами), эгоистичность и отсутствие жизненных идеалов и многое другое.

Можно утверждать, что авторы не разоблачают, не развенчивают, — реакции и оценки нынешних героев времени, их проблемы как бы целиком передаются читателям-зрителям.

Обращение к образам классиков обнаруживает актуальность этих мотивов и образов, но и выводит их из разряда вневременных, «вечных».

Литература

1. Лексина А. Символика продажи вишневого сада: интерпретация в современной русской литературе // Последняя пьеса Чехова в искусстве XX–XXI веков. — М., 2015, С. 152.

2. Тютелова Л. Чеховский сад в драматургии 70-х — начала 80-х годов (на примере пьесы В. Арро «Сад»). — Там же, с. 157.

3. Ярко А. Судьба вишневого сада в пьесе Л. Е. Улицкой «Русское варенье» // Там же, С. 166–171.

4. Слаповский А. Мой вишневый садик //А. Слаповский / Замечательная жизнь людей. — М., 2007, С. 189.

5. Улицкая Л. Русское варенье // Улицкая Л. Русское варенье и другие. — М., 2008, С. 103

Аннотация. В работе рассматриваются примеры обращения современных писателей (А. Слаповского, Л. Улицкой) к мотивам и образам пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». Прослеживается, как меняется значение сада-символа, в чем смысл его подмены то на вишневый куст, то на вишневое варенье. В ходе анализа выявляются особенности современных «новых хозяев» и то, в чем и как происходит подмена глубокого поверхностным.

Ключевые слова: образы, мотивы, символ, пародия, связь с прошлым, герои времен, Чехов, «Вишневый сад», образ вишневого сада, Слаповский, Улицкая.